

**Подросток
Савенко,
или Автопортрет
бандита
в отрочестве**

18+

содержит нецензурную брань

Харьковская трилогия

Эдуард Лимонов

**Подросток Савенко, или
Автопортрет бандита в отрочестве**

«Альпина Диджитал»

1983

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84(2=411.2)6-44

Лимонов Э. В.

Подросток Савенко, или Автопортрет бандита в отрочестве /
Э. В. Лимонов — «Альпина Диджитал», 1983 — (Харьковская
трилогия)

ISBN 978-5-00-139551-5

Вторая книга «харьковской трилогии» Эдуарда Лимонова – это дневник бунтаря и анархиста в юности. Эди-бэби бродит по Харькову со стихами в голове, томлением в сердце и бритвой в кармане. Скитаясь в поисках денег, он ведет за собой читателя по рабочим окраинам города своего детства, мечтая стать благородным разбойником. Но времена Робин Гудов прошли, их сменило время барыг и бандитов, противостоящих «козьему племени». «Завтра будет день. А до этого он будет спать. А пока он будет спать, самая решительная часть его боли выйдет из него и останется только та боль, с которой ему придется жить». Содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-312.6

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-00-139551-5

© Лимонов Э. В., 1983

© Альпина Диджитал, 1983

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	12
4	15
5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эдуард Лимонов
Подросток Савенко, или
Автопортрет бандита в отрочестве

© Эдуард Лимонов, 1983

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2021

Часть первая

1

Эди-бэби пятнадцать лет. Он стоит с брезгливой физиономией, прислонившись спиной к стене дома, в котором помещается аптека, и ждет. Сегодня Седьмое ноября, в прохладный полдень мимо Эди дефилируют наряженные граждане, или козье племя, как он их называет. Козье племя по большей части идет уже с демонстрации. Парад войск Харьковского гарнизона на площади Дзержинского закончился, и началась демонстрация. Передовые и сплоченные массы пролетариев уже давно прошагали в колоннах, пересекая вымощенную пленными немцами самую большую в Европе, вторую в мире площадь. «Больше нашей площади Дзержинского только площадь Тянь-Ань-Мынь в Пекине» – эту первую заповедь харьковского патриотизма Эди-бэби хорошо знает.

Граждане, идущие в настоящее время мимо Эди-бэби, – это ленивые, плохо организованные, недостаточно охваченные общественной работой представители мелких предприятий: магазинчиков, ларьков, лавочек по ремонту – как бы подобие буржуазии. Они выползли из домов в праздничной одежде только сейчас, предварительно уже успев выпить пару-тройку рюмок водки и закусить праздничной едой. Эди-бэби знает, что обычно это салат оливье, колбаса и неизменные шпроты. Глава семьи напялил тяжелое пальто, и черный или темно-синий пиджак, и галстук, и новые туфли, которые причиняют ему невероятную боль при каждом шаге. Нарядные дети, одетые под взрослых в большие нелепые костюмы, жрут неизменное мороженое, и каждый волокет за собой по несколько шаров на нитках. Время от времени надувные шары лопаются со страшным пистолетным грохотом, всякий раз неожиданно. Платье супруги и ее пальто наверняка воняют невыдохшимся нафталином – они берегут свои вещи. Эди-бэби морщится.

Эди-бэби не такой, как они. Потому он и стоит тут в рваных и мятых польских вельветовых брюках и желтой куртке с капюшоном, стоит таким Гамлетом Салтовского поселка и сплевывает независимо. Эди-бэби думает, что ебал он их всех. И еще он размышляет тоскливо над тем, где же ему достать денег.

Ему нужно 250 рублей. И достать их он должен завтра к вечеру. Если он не достанет денег... Эди-бэби предпочитает об этом не думать. Эди-бэби обещал Светке взять ее к Сашке Плотникову. Это самая клевая компания в поселке. Попасть к ним – большая честь. Эди-бэби удостоивается этой чести уже второй раз. Но на этот раз родители взбеленились, последний визит капитана Зильбермана произвел на них большое впечатление. Не дали денег.

Эди-бэби презрительно усмехается, вспоминая свой арест. Зильберман явился с двумя милиционерами в шесть часов утра, разбудил его, спавшего на веранде в спальном мешке – подарок семьи Шепельских, и, сунув ему под нос желтую бумажку, произнес: «Гражданин Савенко, вы арестованы!»

Зильберман чокнутый, он любит произвести впечатление. Он, очевидно, представляет себе, что он комиссар Мегрэ, недаром он вечно одет в идиотское кожаное пальто до пят и курит трубку. Эди-бэби фыркает, вспоминая комическую миниатюрную фигуру капитана Зильбермана. Чарли Чаплин, а не комиссар Мегрэ – вот он кто.

Заведующий отделом по делам несовершеннолетних 15-го отделения милиции капитан Зильберман – недоразумение. Начать с того, что он еврей. Милиционер-еврей звучит как анекдот. Смешнее этого может быть только еврей-дворник.

А в тот раз Зильберману пришлось к вечеру отпустить Эди-бэби. Никаких доказательств, что это он ограбил магазин тканей на проспекте Сталина, не было у капитана. Зильберман не

дает покоя Эди-бэби – воспитывает его. Он часто приходит и к Эди домой, вечерами, проверяет. Хуй он теперь застает Эди-бэби, после пары таких визитов Эди стал убегать от Зильбермана нарочно – уходить на танцы, скажем. Однажды Зильберман приперся в поисках Эди-бэби и на танцы в «Бомбей». Но киномеханик Сева выпустил Эди через служебный вход. Официальное название этой большой комнаты по соседству с 11-м гастрономом – «Клуб работников пищевой промышленности Сталинского района города Харькова», для ребят же это «Бомбей». В «Бомбее» все свои – Эди-бэби может прийти туда без копейки в кармане и через двадцать минут выйти оттуда вдребезги пьяным, если захочет. Ребята его уважают и поят. Эди, правда, не любит унижаться и пользуется даровой выпивкой редко, когда уж совсем паршивое настроение, только тогда.

«Ебаная жизнь! – думает Эди-бэби. – Где же все-таки взять денег?» Знал бы, что родители откажут, придумал бы что-нибудь заранее. Двести пятьдесят рублей не такие большие деньги, но когда их нет, их нет. Вчера еще у него была сотня, но спокойно размотал, надеясь на родителей. Тридцать рублей заплатил Вацлаву за стрижку, остальные неизвестно куда делись. Поил Толика Карпова и Кадика – вот куда! С Вацлавом тоже нужно будет выпить – он никогда не берет с Эди-бэби на чай, а между тем он лучший парикмахер в городе с миллионным населением. Работает он в парикмахерской 3-й автобазы, ему бы в Кремле работать, но Вацлаву, кажется, все равно. Эди-бэби потрогал свой выбритый пробор. «Волосы следует стричь каждую неделю, – говорил ему поляк, – они не должны быть длиннее спички». С прической у Эди все в порядке. Ебанные деньги – вот проблема.

Эди-бэби не просто торчит у аптеки, убивая праздничное утро, но ждет своего приятеля Кадика. Кадик живет совсем рядом – от аптеки Эди-бэби может видеть серый угол его дома номер семь по Салтовскому шоссе. Дом, в котором живет Кадик, – один из самых старых на Салтовском поселке, когда-то там размещалось общежитие, теперь живут семейные.

Кадик, он же Колька, Николай Горюнов, – почтальоншин сын. Отца у него нет, во всяком случае мать Эди-бэби Раиса Федоровна никогда не слышала об отце Кадика, и никто другой не слышал, а вот почтальоншу тетю Клаву, она разносит письма «на нашей» – нечетной стороне Салтовского шоссе, знают все. Маленькая, как бы испуганная чем-то женщина. Злые языки утверждают, что Кадик бьет свою мать. «Здоровый кобель отмахал, – говорят злые языки, – пятнадцать лет, а такой бугай откормленный. Рад, что отца у него нет, над матерью измывается». Эди знает, что Кадик не бьет свою мать, ругаются они очень, это да.

Эди-бэби любит Кадика, хотя и чуть-чуть над ним подсмеивается. «Кадик» – ненормальное, синтетическое имя, которое Колька сам придумал себе от американского названия автомобиля – «кадиллак», конечно, немножко пижонски звучит, но Кадик с малых лет отирается с «лабухами» – с джазовыми музыкантами, ему простительно.

Кадик же и придумал звать его, Эдьку, – «Эди-бэби», тоже на американский манер. Кадик даже немного говорит по-американски, или по-английски, он утверждает, что эти языки почти не отличаются. «Эди-бэби» пристало к Эдьке, теперь многие его так называют. Вообще-то до знакомства с Кадиком Эди-бэби умудрился прожить без клички.

В случае Эдьки Савенко «Эди-бэби» все же ближе к истине, чем Колька и «кадиллак», потому что Эдуард – настоящее имя Эди-бэби. На Салтовке есть еще два Эдуарда, один из них делает самодельные однозарядные пистолеты у себя на заводе «Поршень», где он работает подручным токаря, и продает их ребятам. Эди-бэби купил у него такой пистолет год назад, но теперь пистолет не работает, что-то с затвором, Эдька обещал починить. У того Эдьки русская фамилия Додонов.

Эдуардом Эди-бэби назвал его отец. Когда мать позвонила ему в часть из родильного дома и спросила, как назвать сына – у вас, Вениамин Иванович, сын родился! – то отец Эди-бэби, ему было тогда 25 лет, сидел у себя в кабинете и читал стихи поэта Эдуарда Багрицкого, –

отец сказал, чтоб сына записали Эдуардом. Стихи Багрицкого отцу очень нравились. Так получилось, что Эди-бэби дали имя в честь поэта-еврея.

Недавно, прошлой весной, Эди-бэби впервые прочел стихи Багрицкого, собранные в небольшой книжечке в синем твердом переплете, и они ему тоже понравились, как и его отцу пятнадцать лет назад. Особенно понравилось стихотворение «Контрабандисты»:

По рыбам, по звездам проносит шаланду,
Три грека в Одессу везут контрабанду...

В середине стихотворения Эди-бэби, к своему изумлению, обнаружил неприличные строчки:

Чтоб звезды обрызгали грудь наживы —
Коньяк, чулки и презервативы...

Стихи эти Эди-бэби показал Кадик, про презервативы. Ему тоже понравилось. Хотя Кадик не очень любит стихи. Он любит джаз и рок. Он учится играть на саксофоне.

Эди-бэби долгое время не любил стихи. Когда в библиотеке Виктория Самойловна, кутаясь в шаль и кашляя, у нее слабые легкие, предлагала ему стихи, он всегда, иронически ухмыляясь, отказывался. Баловство!

Виктория Самойловна знает Эди-бэби с девяти лет. Он, может быть, самый «старый» читатель в библиотеке. Правда, сейчас Эди-бэби приходит в библиотеку все реже и реже. Ему не до библиотеки. Эди-бэби стал мужчиной, и у него свои дела. Последний раз он видел Викторию Самойловну в июле. А сейчас уже ноябрь, книги давно просрочены. Два тома Валерия Брюсова и стихи Полонского. Эди-бэби не хочет их отдавать, хочет оставить себе. Скажет, что потерял. Однако Эди-бэби стыдно обманывать Викторию Самойловну, и он все тянет с визитом в библиотеку. «Завтра... на той неделе», — говорит он себе, и с каждым днем ему все труднее пойти в районную библиотеку. В школьную он давно не ходит, во-первых, он терпеть не может Лору Яковлевну, от нее противно пахнет мочой, во-вторых, там ему нечего читать, он ненавидит школьные книги.

2

Эди-бэби повезло со стихами. Первые стихи, прочитанные им в жизни, Виктории Самойловне удалось все-таки всунуть ему книгу, были «Юношеские стихи Александра Блока» с нарисованной на обложке веткой сирени. Стихи Блока Эди-бэби открыл в мае, в саду у Витьки Фоменко, как раз цвела в саду именно сирень. Вместе со всем классом Эди-бэби пришел на похороны Витькиной матери. С похоронами произошла задержка: во-первых, похороны оттянул майский ливень, потом – старухи. Витькина бабка настояла на том, чтобы ее дочь пришел отпевать священник, в то время как Эди, ужасаясь и поражаясь, захлебываясь, читал, сидя на бревнах, спрятавшись от соучеников в угол сада:

Снится, снова я мальчик и снова любовник,
И – овраг, и в овраге колючий шиповник...
Старый дом глянет в сердце мое,
Розовея от края до края,
И окошко твое... Этот голос – он твой,
И его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам...

Из старого дома Витьки Фоменко доносилось заунывное пение старух.

Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам...

И от этих слов Эди хотелось умереть, умереть от любви к Светке, с которой он только на Первое мая познакомился.

Многое началось с Витьки Фоменко. Карьера Эди-преступника тоже. Вообще-то Витька трус – по нему видно, что он трус, – он кругленький, жирненький и небольшого роста. Но у Витьки свой дом, старый, деревянный, у самого Турбинного завода расположенный. С другой, не с уличной, а с задней стороны дома Витьки – кукурузные поля, потом овраг, опять поля, и дальше начинается настоящая деревня.

Еще недавно на месте Салтовского поселка была тоже деревня, но лет десять назад на ее месте стали строить двухэтажные и трехэтажные дома с двумя или четырьмя подъездами, так и построили постепенно поселок. Эди-бэби отлично помнит, как в 1951 году солдаты привезли их – отца, мать и его – на Салтовку. Их дом был еще заперт, и сержант Махитарьян взял кусок толстого железного прута, расплющил его молотком на камне, потом этим прутком он открыл замок, и они вселились. Их сосед по квартире майор Печкуров вселился только через два месяца, а через полгода уже умер. Выселился.

Отец Эди-бэби – старший лейтенант, скоро он будет капитаном. «Никогда, – думает Эди-бэби, – никогда он не будет капитаном, потому что он робкий, как женщина». Мать говорит, что он будет капитаном, но Эди-бэби знает, что его отец занимается не своим делом. Это тоже говорила ему мать, только она не помнит всего, что она говорит. Отцу Эди-бэби не нужно быть военным, ему нужно быть музыкантом, все это утверждают. Он очень талантливый – он играет на гитаре, и на пианино, и на многих других инструментах, и даже сочиняет музыку, а он почему-то старший лейтенант.

Отец Витьки Фоменко – мастер на Турбинном заводе. Денег он получает меньше, чем отец Эди-бэби, но живут они куда лучше и веселее. И у них дом. Эди-бэби живет с отцом и матерью хотя и в большой, и с верандой, но в одной комнате.

Витьку Фоменко перевели из другой школы к ним в класс меньше года назад. Было сразу видно, что он трус, но было видно также, что он веселый трус, и, когда Витька пригласил Эди к себе на Новый год вместе с несколькими ребятами и девочками из их класса, Эди пошел. У Витьки Фоменко он и познакомился с Вовкой-боксером, красивым мальчиком с Тюренки. Вместе с Вовкой Эди-бэби ограбил свой первый в жизни магазин.

Тюренка занимает большое место в жизни салтовчан и Эди-бэби. Тюренка начинается за кладбищами – если пройти мимо заросшего зеленью действующего русского кладбища и перейти недействующее еврейское, все в каменных плитах и обелисках, по нему вьется тропинка, растоптанная салтовскими жителями, каждый вечер в хорошую погоду отправляющимися на тюренский пруд за целебной водой, она там испокон веков льется из железной трубы (летом салтовчане толпами ходят на тюренский пруд купаться); за еврейским кладбищем и начинается Тюренка.

Тюренские ребята – все дети «куркулей», как их называют на Салтовке. Живут они в старых частных домах, то есть их родители – частники. Родители тюренских ребят обычно устраиваются на работу на заводы поздно осенью и увольняются, когда сходит снег. Гораздо больше денег, чем за зиму на заводах, тюренские жители зарабатывают летом, когда продают на харьковских базарах свои вишни и яблоки или клубнику. Некоторые имеют небольшое картофельное поле или выращивают у себя на участке помидоры и огурцы. Тюренку еще называют и Тюриной дачей. Говорят, что давно, до революции, у самого пруда находилось имение помещика по имени Тюря. Так говорит бабка Витьки Немченко.

На Тюренке из их класса, кроме Витьки Немченко, живет еще Сашка Тищенко. Витька Проуторов и докторская дочь Вика Козырева живут у входа в еврейское кладбище. Это еще не Тюренка, это самая дальняя часть Ворошиловского проспекта. Витька Проуторов и Вика ходят на совсем другую трамвайную остановку.

Так как часть тюренских ребят учится в салтовской школе, то отношения у Тюренки с Салтовкой почти всегда хорошие. Иногда случаются стычки, особенно с тюренскими цыганами, их там живет целая толпа, но в общем тюренские и салтовские ребята – союзники. Некоторое превосходство, которое испытывают салтовские ребята, в основном дети рабочих и служащих, по отношению к детям полудеревенских куркулей, вполне уравнивается тем обстоятельством, что тюренцы имеют на своей территории источник минеральной воды, и пруд, и еще часть единственной в миллионном городе реки, в которой возможно купаться. Точнее говоря, один ее берег. Другой берег занимает Журавлевка.

Журавлевская шпана – враги и салтовских, с которыми они не граничат, и тюренцев, с которыми граничат и постоянно дерутся. В основном большие сражения происходят летом. Две армии обычно сходятся на искусственном острове посередине реки размером с пару квадратных километров – на острове находятся пляжи и большой, нелепый, якобы современный, сделанный из бетона ресторан, который, впрочем, больше похож на немецкие береговые укрепления эпохи Второй мировой войны, чем на место отдыха харьковских граждан.

Прошлым летом, в августе, Эди-бэби участвовал в таком сражении. Ему тогда порезали руку, и он сам, по неосторожности, сломал себе палец. А один из журавлевских ребят умер потом в больнице. Четыреста человек, сказал ему Зильберман, участвовало в этой битве. Эди сделал вид, что он безобидный малолетка и ни в чем не участвовал.

Кадик, который почему-то постоянно вытесняет из жизни Эди-бэби всех его других друзей, говорил Эди-бэби, чтобы он не ходил на побоища шпаны. Кадик одинаково терпеть не может и «своих» – салтовских, и тюренских, и журавлевских, он ездит гулять «в центр» – на Сумскую улицу, там у него свои друзья – джазисты и стилиаги, все они намного старше Кадика. «Эди, зачем тебе все эти раклы?» – говорит Кадик. Это его обычная песня. «Зачем тебе раклы, Эди?» За эту песню Кадик – единственный из всех друзей Эди-бэби, кто нравится его матери, потому что это и ее песня.

Эди-бэби считает, что Кадик – «тухлый интеллигент». Выражение это Эди услышал впервые от майора милиции Шепотько. Шепотько поселился в их квартире недавно – после того, как уехал совсем в Иваново-Франковск Вовка Печкуров, последний выучившийся в Харьковском политехническом институте сын рано усопшего майора Печкурова. Шепотько упрямо называет мать Эди-бэби Лариса Федоровна вместо Раиса Федоровна, и он – этот здоровенный пузан в синих галифе – начальник вытрезвителя, впрочем, не в их районе. Так что Эди-бэби живет теперь в одной квартире с мусором.

Кадик – тухлый интеллигент, Эди даже думает, что он боится шпаны, но Эди-бэби интересно с Кадиком. Когда нет дома его матери-почтальонши, Эди-бэби ходит к Кадику в их девятиметровую комнатку слушать музыку. У Кадика есть маг – у очень немногих ребят на Салтовке есть маги. У Сашки Плотникова, к которому Эди-бэби обещал повести завтра Светку, тоже есть маг. Кадик знает все о таких музыкантах, как черный Дюк Эллингтон, или Гленн Миллер, или «сам» Элвис Пресли. Кадик поднял Эди-бэби на смех, когда узнал, что Эди не имеет представления о том, кто такой Элвис, и о том, что его недавно взяли в армию (или он вернулся из американской армии, Эди-бэби не помнит).

Если бы Эди-бэби считал, что Кадик трус, он бы с ним не общался. Но Кадик особенный, он не трус, очевидно: Эди-бэби видел, как Кадик однажды набил морду Мишке Шевченко, когда тот стал его высмеивать. Все ребята сидели тогда тут же, на Салтовском шоссе, под липами на зеленых скамейках. Обычно под липами собираются старшие ребята: штангисты Кот и Лева, только что пришедшие из тюрьмы – сидели за то, что побили милиционера, – друг и покровитель Эди-бэби Саня Красный, Славка Цыган, Бокарев, Толик Дерганный, Фима Мешков, Витька Косой, но он сейчас в армии. Этим ребятам всем уже за двадцать, они не малолетки.

3

Ага, вот и Кадик. В точно такой же желтой, как у Эди-бэби, с капюшоном куртке, подпрыгивая и корча гримасы, Кадик выбегает из-за серого угла своего дома и машет Эди рукой. Желтые куртки они придумали сами, а сшила их тетя Мотя – соседка Кадика. У него сто соседей или больше, Кадик живет не в квартире, а у них коридорная система. Осталась от общежития. Модель желтых курток ребята сняли с австрийского альпийского пальто Кадика, которое он привез с фестиваля. Вместе со старшими ребятами из «Голубой лошади» Кадик ездил на фестиваль. Это было год назад, а среди лабухов Кадик отирается с двенадцати лет. Все на Салтовке знают, что Кадик – это тот парень, который был в «ГОЛУБОЙ ЛОШАДИ» и ездил на ФЕСТИВАЛЬ.

– Извини, старик, – говорит Кадик. – Маханша, дура, куда-то переложила пласт, который я должен отвезти сегодня Юджину. Все перерыл, так и не нашел. Пласт дорогой. Вот сука, вот блядь старая!..

В отличие от всех других салтовских ребят, Кадик и Эди ругаются мало. У других ребят после каждого «нормального» слова следует «ебанный в рот!», или «блядь», или «пизда», или более редкие индивидуальные ругательства. Эди-бэби же ругается только иногда. Он сам не знает, почему так получилось.

До одиннадцати лет Эди-бэби был невероятно примерным мальчиком – каждый год получал похвальные грамоты и несколько лет подряд был председателем совета отряда. Эди-бэби помнит себя с красным галстуком, с маленьким чубчиком идиота, стоящего, подняв правую руку в пионерском салюте, перед председателем совета дружины или старшим пионервожатым и рапортуящим: «Товарищ старший пионервожатый!» – дальше следовала пшениная каша из слов, которую Эди-бэби начисто позабыл. Раиса Федоровна вспоминает о том времени как о потерянном рае.

В свободное от школьных занятий время Эди-бэби читал все, что попадалось под руку. И не просто читал, а выписывал интересующие его сведения в особые, тщательно рассортированные тематически тетрадки. Эди-бэби ни с кем не дружил в тот период, кроме Гришки Гуревича, с которым они изредка играли в карты – Гришка всегда жульничал и выигрывал – и исследовали окружающие поля и овраги. Гришка, очень похожий на лягушку, необыкновенно умный мальчик, был так же любопытен, как и Эди-бэби...

Можно сказать, что первые четыре года школы до роковых одиннадцати лет Эди-бэби промечтал. Он читал, выписывал и мечтал. Выписывал он многое. Например, из нескольких томов путешествий доктора Ливингстона по Африке Эди мелким почерком исписал восемь (!) 48-страничных тетрадей. На среднем пальце правой руки у Эди появился внушительный мозоль, сам палец искривился, и, хотя мозоль постепенно сократился в размерах, палец остается кривым и мозолистым и посейчас. Ночами на его диване Эди-бэби снилось, что он наблюдает солнечное затмение в Африке, в травяной хижине вокруг него разложены никелированные мореходные инструменты для определения местонахождения – широты и долготы, секстан, астролябия и другие, бьет барабан и голые туземцы кружатся в соломенных юбочках вокруг изгороди, на колах которой, спокойно моргая глазами, торчат отрубленные человеческие головы.

Вероятнее всего, Эди-бэби был в те годы практический романтик. Едва научившись читать, он поспешно поглотил огромное количество обычных книг, вроде детей капитана Гранта и пятнадцатилетних капитанов, разбавленных островами сокровищ, прихватив по пути все содержимое родительского книжного шкафа, довольно обширного, в числе родительских книг несколько разрозненных Мопассанов и Стендалей, которые, впрочем, оставили его тогда равнодушным.

Очевидно, как практический романтик, Эди-бэби не удовлетворился бессистемными восторгами Жюль Вернов, Стивенсонов и других авторов и решил пойти дальше – приготовить себя к жизни романтического путешественника крепко и основательно. Посему в последующие годы он, скривив позвоночник, старательно скорчившись за родительским круглым столом, стоявшим в центре комнаты, – позже ему купили маленький письменный стол, видя его старания, – а то и стоя на коленях, положив книгу и тетрадку на табурет, выписывал латинские названия растений и животных, терпеливо изучал методы добывания воды в Сахаре или названия кактусов, которые возможно употреблять в пищу, оказавшись без еды в мексиканской пустыне.

Его страсть к систематизации простиралась так далеко, что Эди-бэби завел себе специальные каталоги, где растения и животные были растасованы по семействам и родам, со старательно выписанными на отдельные листки данными. О растении было сказано, каких бывает размеров, какого вида у него листья, размер ореха, способ размножения, какие части данного растения возможно употреблять в пищу, где данное растение возможно встретить Эди-бэби в его последующих скитаниях, и рисунок растения. В нормальной стране Эди-бэби не отходил бы от ксерокс-машины. В городе Харькове Эди-бэби переводил рисунки на кальку и затем наклеивал рисунок на лист с данными растения или животного. Строгий порядок царил в мире будущего путешественника и исследователя. Замечательно все же, что предпочтение Эди-бэби отдавал растениям и животным экзотическим, а среди экзотических решительно предпочитал виды и роды тропической зоны. Может, потому, что холодный период года длится в Харькове много дольше, чем теплый?

Нетрудно догадаться, что, как истинный романтик, в сфере мореходства Эди предпочитал парусные суда. Он мог бы, если бы было кому – Гришку Гуревича родители скоро увезли на другую квартиру, – часами говорить о бермудском и латинском парусных вооружениях, о стоячем и бегучем такелаже, о типах якорей, о галсах и узлах, о том, как совершить поворот на зюйд-зюйд-вест, если ветер дует неблагоприятный.

Библиотекарша Виктория Самойловна вначале не верила, что Эди-бэби читает все эти книги со сложными названиями «Фауна Патагонии» или «Записки русского географического общества», работы Дарвина на Галапагосских островах или бесконечные путешествия по миру никому, кроме Эди-бэби, не известных биологов и зоологов загоскиных и зенкевичей, но однажды, заговорив с бледным мальчиком, только что отстучавшим шапкой с валенок снег, вдруг обнаружила, что зеленое существо все знает. Мало того, существо, вообще-то не любившее читального зала, время от времени вынуждено было в своих изысканиях обращаться к помощи Большой советской энциклопедии – посему проводило часы, близоруко (очков существо стеснялось) копаясь в огромных томах, – пополняло свои знания.

Такое существо было единственным на весь район, и, хотя русские дети традиционно много читали в те годы и в библиотеке всегда стояла очередь, – Эди-бэби вскоре получил исключительное право входить за конторку, где восседала Виктория Самойловна, и копаться в книгах сколько влезет, хоть весь день. Эди-бэби был счастлив и вскоре присоединил к своим обширным каталогам, которые он хранил с молчаливого согласия соседей по квартире в неработающей ванной комнате (все равно не было горячей воды), еще и каталог геологический. Изучать так изучать!

Фанатический педантизм их дитяти в накоплении знаний выглядел, надо полагать, весьма странно для людей вне его мира, для родителей Вениамина Ивановича и Раисы Федоровны, так как Эди-бэби никому и никогда не хвастался своими знаниями, никогда не раскрывал их в школе, что уж и вовсе было непонятным.

Когда же в дополнение к сланцам, песчаникам, известнякам и базальтам мира Эди-бэби вдруг сделал резкий поворот и стал изучать и систематизировать французских и английских

королей, римских императоров и даже императоров никому не нужной Австро-Венгерской империи, родители не на шутку всполошились.

«Эдинька, ты пошел бы погулял, что ли, – говорила ему мама Рая, – что ты все сидишь взаперти. Смотри, какой ты бледный. Вот Гена все время на улице, у него поэтому розовые щеки – здоровый вид. Пойди, покатайся на лыжах!» Отец – старший лейтенант – только что купил сыну лыжи, которые Эди-бэби игнорировал.

Эди-бэби терпеть не мог мальчика Гену из соседнего подъезда, которого ему всегда ставили в пример, и знал, что Гена круглый идиот. Если Эди-бэби и держался до своих одиннадцати лет в школе особняком, его все же уважали, не совсем понятно за что, может быть, именно за то, что он держался особняком, и в конце концов три года подряд единодушно выбрали председателем совета отряда, хотя Эди это и мало интересовало. Отсидев с большими муками свои шесть часов в школе, Эди-бэби бежал в библиотеку, она находилась по другую сторону трамвайной линии, напрямик от школы, а потом домой, к своим тетрадкам и каталогам. Гену же никто не уважал, ребята над ним смеялись и часто били. Эди-бэби был избит только раз, и он, этот один раз, навечно отразился на психике Эди и даже сформировал его характер. Но об этом дальше. Сейчас Эди-бэби и Кадик пошли к гастроному.

4

Кадик и Эди-бэби встретились, чтобы выпить. Праздник есть праздник, как ты ни сторонись козьего племени, а к вечеру Кадик будет занят – поедет «в центр» к Юджину, его модели-герою, предмету его обожания и подражания, Юджин играет на саксофоне в Доме культуры работников связи. Кадик «гуляет» Октябрьские с Юджином и его лабухами. Не очень уверенно, с неделю назад, Кадик предложил Эди-бэби гулять Октябрьские с ним у Юджина на Сумской, но, во-первых, он предложил не очень уверенно, он не «босс», как он сам сказал, взрослые лабухи таскают его с собой, а гордому Эди-бэби не хочется быть еще одним малолеткой; во-вторых, хотя он и знает Юджина, он же Женя Заборов, Юджин не очень нравится Эди-бэби. Может, он и гениальный саксофонист, каким считает его Кадик, но ни Эди, ни Сане Красному, к чьему мнению Эди прислушивается – Саня на семь лет старше, он как бы старший братишка Эди, Эди ему доверяет, – Юджин не нравится.

Не хочет Эди гулять Октябрьские с Юджином еще и по другой причине, о которой он Кадика не говорит. Из-за Светки. Идти со Светкой в компанию взрослых ребят Эди чуть-чуть побаивается. Светка красивая, все ребята завидуют Эди, что он «ходит», как у них в поселке говорят, со Светкой. К Сашке Плотникову, который учится не у них в восьмой, а в другой школе, Эди-бэби тащит именно Светка. Всех ребят и девочек, которые там будут, Эди-бэби знает. Они все немножко кривляки, особенно Гарик, по кличке Морфинист, и его Ритка, но хотя бы Эди-бэби знает, чего от них ожидать. Эди-бэби впервые стал ходить со Светкой на майские праздники, но уже несколько раз дрался из-за нее. Светка – кокетливая девочка. Эди-бэби не хочет, чтобы, напоив его Светку, а она всегда напивается сама, кто-нибудь из взрослых ребят «отжарил» бы ее, он Светку любит, хотя она и стерва. Эди-бэби слышал о таких историях.

Кадик очень добрый парень. Он знает, что у Эди-бэби нет денег, и потому угощает он. Обычно они, как все ребята, сбрасываются на бутылку. Как бы там ни было, еще вчера Эди-бэби угощал Кадика и Толика Карпова, так что сегодня все равно очередь Кадика угощать.

Как всегда в праздничные дни, у гастронома номер семь особенно многочисленная толпа. Здесь не только ханыги, которые и в будние дни от открытия и до закрытия отираются в расчете выпить за чужой счет, они постоянные, их знают продавщицы, ханыги, как у них в поселке говорят, «играют за сборную гастронома». В праздничный же день тротуар перед гастрономом кипит людскою жижей – к обычным посетителям присоединились нарядно одетые рабочие, успевшие улизнуть с демонстрации, – многие из них в велюровых коричневых или зеленых шляпах и при галстуках, белое кашне на шее – местная харьковская мода. Сразу можно понять, что рабочие не привыкли ни к шляпам, ни к галстукам – шляпы на них не сидят, галстуки режут им шеи, и в конце концов можно видеть, как один за другим, разгоряченные выпивкой, они сдирают с себя галстуки и прячут их в карманы пальто.

Тут же между группками прыгают дети, тоже очень нарядные, обязательно с воздушными шарами. Каждый уважающий себя ребенок на Салтовском поселке не может сегодня обойтись без по крайней мере трех воздушных шаров. Жены пытаются оторвать уже изрядно нагружившихся глав семейств от товарищей, по этому поводу возникают мелкие ссоры, но общая атмосфера праздничная, рабочие дружно смеются, если не в меру настойчивая жена пытается вытащить своего супруга из круга соседей или товарищей по работе. «Рукав! Рукав гляди не оторви!» – смеются рабочие.

Водку с утра и здесь, перед гастрономом, пьют немногие – впереди еще целый день и ночь пьянства, потому оберегаются, а если и пьют, то покупают бутылку не на троих, а, скажем, на пятерых. В основном же пьют местное украинское вино, называемое на жаргоне «биомицин» – производное от «Билэ мицнэ», что, в свою очередь, в переводе с украинского, означает «Белое

крепкое». Водку рабочие называют косорыловкой, очевидно, оттого, что у проглотившего эту жидкость волей-неволей появляется на лице гримаса.

Между группами оживленных, праздничных рабочих ходят ханыги и предлагают стакан, некоторые же, особенно предприимчивые, имеют с собой подобие закуски – крепко соленый огурец огромного размера или плавленый сырок в станиолевой обертке. Взамен эти «бизнесмены», как в шутку называет их Кадик, имеют право на пустую бутылку. Этот обмен имеет смысл – пустые бутылки возможно тут же сдать, одна пустая пол-литровая бутылка стоит 1 рубль 20 копеек, большая – 0,8 литра – стоит 1 рубль 80 копеек, а пол-литровая бутылка биомиицина (полная, разумеется) стоит 10 рублей 20 копеек. Потому ханыги никогда не бывают трезвыми. У гастронома номер семь стоит невообразимый шум.

– Пролетариат гуляет! – иронически замечает Кадик и протискивается в двери гастронома. Эди-бэби следует за ним.

Две продавщицы не успевают сегодня обслуживать жадное до вина салтовское население. Гроздь бутылок перекочевывают через прилавок – никому не хочется стоять в очереди, потому рабочие стараются запастись бутылками впрок.

– Стиляги пришли! – орет маленький заебистый мужичонка в белой кепке, натянутой на самые уши, уже пьяный.

Кадик и Эди в своих ярко-желтых куртках выглядят, конечно, несколько странно, тропическими птицами в толпе черных и темных больших пальто с плечами или серых, как на подбор, ватных полушубков с меховым, искусственного меха, воротником – пролетарская мода. «Полупердунчики» эти, по выражению Кадика, они, пролетарии, называют «москвичками». Еще год назад пролетарии носили эти полупердунчики с сапогами. Сейчас эта мода почти отошла, только несколько человек в очереди в сапогах.

Стиляги-то стильяги, но свои. Их прекрасно знает и «сборная гастронома», и продавщица Маруся, и другая продавщица, тетя Шура. Завидев Кадика в очереди, тетя Шура кричит ему, не отрываясь от денег и бутылок: «Как мать, Колька? Я слышала, что приболела немного?»

– Да нет, ничего, тетя Шур. Простудилась немного, но на работу ходит, – отвечает ей Кадик стеснительно.

Правда, только Эди-бэби знает, что Кадик стесняется своей матери-почтальонши. Отца своего Кадик никогда не видел, только однажды коротко сказал Эди-бэби, что отец его знаменитый ученый, но Эди-бэби мало верит в это. Разве станет знаменитый ученый интересоваться маленькой, невидной, сморщенной матерью Кадика – почтальоншей? Даже если учесть, что пятнадцать лет назад она была куда моложе и привлекательнее? Впрочем, Эди-бэби все равно, какая у Кадика мать. Ему Кадик нравится.

Кадик берет две бутылки биомиицина, и они вытаскиваются на улицу, по пути пожимая с десятков рук. Мелькают лица двух одноклассников Эди-бэби – Витьки Головашова и Леньки Коровина, они только что заняли место в хвосте очереди. Витька и Ленька не стильяги, но ребята интересные, они всегда ходят вместе. Это Витька повел Эди-бэби впервые в секцию борьбы. Витька занимается вольной борьбой уже год, а Эди-бэби только начал. Витька и Ленька ребята современные, не то что большинство салтовских ребят, большинство или шпана, или пролетарии. Родители Эди-бэби, или родители Витьки (его отец – начальник строительства), или родители Вики Козыревой – оба доктора – редкость на Салтовке, или Тюренке, или Ивановке. В основном здесь живут рабочие. Вокруг расположено по меньшей мере три больших завода – «Серп и Молот», Турбинный и «Поршень». До самого большого в Харькове завода – Тракторного – от Салтовки ехать на трамвае полчаса. На Тракторном заводе работает больше чем сто тысяч рабочих, и почти все они живут вокруг завода на Тракторном поселке.

Выбравшись из магазина, Кадик и Эди-бэби находят свободное место чуть в стороне от остальной публики. Свободное место расположено между стеной трехэтажного дома, в котором на первом этаже во всю его длину и помещается гастроном номер семь, и ларьком – обычно

в нем продают конфеты, сахар, печенье, пряники. Сегодня по случаю праздника деревянное сооружение обвешано огромными замками – ларек закрыт.

Кадик открывает бутылку, ее ничего не стоит открыть – биомидин закрывается металлическими, легко срываемыми пробками, как водка, а не пробковыми пробками, – и протягивает бутылку Эди-бэби. Оба, и Кадик, и Эди-бэби, предпочитают пить из горлышка, оба очень хорошо умеют это делать. Эди-бэби может задрать голову, раскрыть рот и вылить туда всю бутылку, почти не взглатывая, как в бочку.

Чего Эди-бэби не может делать, так это пить водку через нос. Кадик выпивает носом стопятидесятиграммовый стакан! Правда, он не делает этого каждый день. Нос жжет. Но для девочек или на спор за деньги делает. Даже выдавшие виды ханыги – сборная команда гастронома – уважают Кадика за это и прощают ему желтую куртку, и узкие брюки, и намазанные бриллиантином волосы.

5

Зато Кадик не может выпить столько водки, сколько может выпить Эди-бэби. Эди-бэби иногда использует свой необычный талант – пьет на спор водку на Конном рынке. Сейчас не часто, потому что там его уже знают почти все мясники и богатые азербайджанцы, раньше же он спорил каждую неделю.

Саня Красный тогда работал на Конном рынке мясником. Обычно у него есть деньги, но в тот вечер им очень хотелось выпить, а денег у Сани не было. Вот тогда они и придумали спорить. Они пошли в кафе-закусочную, в забегаловку, где собираются обычно азербайджанцы, торгующие на Конном рынке фруктами, и там, купив себе и Эди-бэби по кружке пива, Саня Красный стал осторожно подбегивать компанию азербайджанцев за соседним столиком, говорил им, что они не умеют пить. Слово за слово, Саня в конце концов раззадорил азербайджанцев настолько, что, когда он предложил им пить на спор с ним – Саней, кто больше выпьет, их главный – Шамиль, он местный азербайджанец, он и живет у Конного рынка, – сказал:

– Давай пить! Хотя ты, Красный, такой здоровый, что с тобой спорить будет не очень справедливо. Мы, азербайджанцы, пьем больше вас, русских, но мы меньше вас.

Саня действительно метр восемьдесят ростом, и в его 22 года толстый и здоровый, и весит 100 килограммов. По-настоящему Саня даже и не русский – он немец. Его маму зовут Эльза, отца Сани никто никогда не видел, но, как друг Сани, Эди-бэби знает, что его отца звали Вальтер, как пистолет. И он тоже был немец. Сестра Сани, Светка, родилась от другого отца, уже русского. Мама Эльза работает билетершей в клубе «Стахановец». Красным Саню зовут потому, что вся кожа у него розовая, таким он родился. И лицо тоже розовое. Саня похож на Геринга, Эди-бэби это нравится, он видел фотографию Геринга в книге о Нюрнбергском процессе и видел его в цветном фильме о Великой Отечественной войне. Он тоже розовый, как Саня. Был.

– Не шестери, Шамиль, – сказал тогда Саня. – Не только я, но даже вот этот, – и он показал на Эди-бэби, – мой браток, перепьет любого из вас. Да, Эд? – спросил он Эди-бэби, для солидности называя его Эд.

Вообще-то они заранее сговорились, как будут себя вести. Сам Саня не мог выпить столько, сколько выпивал безобидный на вид Эди-бэби.

– Этот? – переспросил, ухмыляясь, Шамиль и оглядел Эди. – Да ему два дня до смерти осталось и без водки!

Азербайджанцы, или черножопые, как их за глаза называл Саня, расхохотались.

– Этот парень выпивает литр, – сказал Саня. Хладнокровно сказал.

– Не пизди, Красный, – сказал Шамиль, начиная злиться. – Он умрет, выпив литр.

Эди-бэби подумал про себя, что какие все же наглые эти черножопые. Наглые и заебистые хари. Однако денег у них очень много. Они привозят свои фрукты в Харьков и продают их тут втридорога. Витька Косой, приехав недавно в отпуск из Москвы, где он служит, повезло человеку, раскололся как-то по пьянке, рассказал, что, уходя в армию (терять ему особенно было нечего, все равно забреют, а попался бы, ну дали бы семь лет, вместо трех в армии, и освободили бы ввиду первой судимости по половинке), он и еще двое ребят грабанили азербайджанцев, сев с ними в поезд, идущий в Баку. Чемодан денег взяли. Косой смеялся и говорил, что дело было не очень опасное, потому что в милицию заявлять азербайджанцы все равно не пошли бы: мандарины, которые они продают как колхозные, на самом деле частные, и такие деньги, какие есть у азербайджанцев, у нас в Союзе иметь не разрешается. Главное, что они, суки, всегда вооружены, когда деньги везут. Убить могут.

Эди-бэби очень спокойный внешне, он себя тренирует. «Ебанные азербайджанцы!» – только и подумал он, а вслух сказал:

– Четыре двухсотпятидесятиграммовых стакана за час, каждый с перерывом в пятнадцать минут.

Азербайджанцы затихли. Ни один из них не может выпить столько водки, Эди-бэби знал. Редко кто может. Научил его пить дядя Жора из их дома, только из другого подъезда, – Ванькин отец. Дядя Жора был во время войны в плену в Германии, а потом ездил с его хозяином-немцем во Францию.

Вначале дядю Жору загнали на шахту в Руре, Рурский угольный бассейн – как у нас Донбасс, – и дядя Жора там работал. Немцы на его шахте были ничего ребята, как раз хуже всех были свои, русские – бригадиры и надзиратели, немцы же даже в шахту спускаться не любили, считали, что для этого достаточно иностранных рабочих. Дядю Жору заметил немец-инженер, Стефаном его звали, – заметил однажды, что дядя Жора водку пьет и не пьянеет. И немец этот придумал идею. Он стал забирать дядю Жору с шахты, вначале на пару дней, и возить его в город. Эди-бэби не помнит, какой там немецкий город был поблизости, – вечером дядя Жора пил водку в их кабаке, удивлял немецкий народ. Стефан все это удивление очень драматически обставил – били в барабан тревожную дробь и на столе рядом с дядей Жорой выстраивали ряд больших граненых русских стаканов. Дядя Жора был одет в якобы русский национальный костюм – костюм Стефан купил для дяди Жоры в театре. На самом деле костюм был венгерский.

В конце концов, так как дяди-Жорино всенародное поглощение водки стало пользоваться большой популярностью, Стефан ушел с шахты, забрав дядю Жору, якобы дядя Жора поступил к нему в личное услужение. На самом деле оба они преспокойно добывали себе деньги и в конце концов добрались даже до Парижа.

«В Париже, – говорил дядя Жора с удовольствием, вспоминая свое славное прошлое, – я выступал в знаменитом “Фоли-Бержер”. Афиши висели по всему городу: “Сегодня русский медведь пьет у нас водку!”»

Дядя Жора говорил, что пить научиться невозможно. С луженой глоткой и желудком нужно родиться. «Но, – говорил дядя Жора, – даже хороший выпивоха должен знать, когда и сколько можно выпить. Бывали периоды, – говорил дядя Жора, – когда я отказывался от “выступлений”, потому что чувствовал, что в эти дни мой желудок не может работать с водкой так хорошо, как обычно. Как ни ругал меня Стефан, обвиняя меня в том, что срываю прекрасный ангажемент, что мы теряем деньги, я никогда не соглашался. И поэтому до сих пор жив», – говорил назидательно дядя Жора.

Эди-бэби подозревает, что дядя Жора подвирал чуть-чуть. Например, действительно ли он мог «выступать» в «Фоли-Бержер»? Да и был ли он вообще в Париже?

Как бы там ни было, сам Эди-бэби открыл, что он тоже родился с луженым желудком, не так давно. Позже это открыл и Саня Красный. Несколько советов дяди Жоры, впрочем, пригодились Эди-бэби в его жизни: «Перед большой выпивкой прими стаканчик постного масла – смажь желудок, если боишься опьянеть, – учил дядя Жора. – После выступления, даже если ты не пьян, положи себе за правило пойти в туалет и, заложив два пальца в рот, вырви, не стесняйся. Правда, старайся делать это так, чтобы никто не видел и не слышал, – береги свою честь бойца. И еще не закусывай – между стаканами можешь сжевать соленый помидор или огурец или хватить чуть-чуть рассолу, но и только. Закуска с большой выпивкой не идут. От закуски пьянеешь больше».

Вооруженный этими знаниями и луженым желудком, бледнолицый, 57 килограммов при 1 метре 74 сантиметрах роста, Эди-бэби сидел против орды загорелых черножопых. Они галдели между собой по-азербайджански. Азербайджанцы – они же турки, знал Эди-бэби. Эди-бэби частью татарин, мама его татарка, стоит посмотреть на ее скулы, к тому же она из Казани. Отец в шутку называет мать «татаро-монгольское иго». Но серьезно и украинец-отец, и русско-татарская мать считают себя русскими. Что и есть правда. Кто же они еще? В их классе

даже настоящие украинцы стесняются говорить по-украински, это считается деревенским. Все ребята называют себя русскими. Даже евреи Яшка Славуцкий, Сашка Ляхович, Людка Рохман...

Эди-бэби сидел против черножопых и ждал, что они решат.

– Пятьсот рублей ставлю, что выпьет, – сказал Саня, дотянув свое пиво.

Эди-бэби знал, что у Сани в кармане, может быть, наберется пару рублей мелочью. Но Конный рынок был его территорией – даже если бы они проиграли, он бы вывернулся как-нибудь. Но они не проиграют – это исключено, Эди-бэби до этого выпивал литр.

– Хорошо! – сказал наконец Шамиль, отвлекшись от своего варварского языка. – Азербайджанский народ не любит водку. Мы пьем вино и чача. Но я ставлю пятьсот рублей и отдам их ему, если этот малчик действительно выпьет четыре стакана и не умрет.

«Сука! – подумал Эди. – Решил унижить. Ну и хуй с ним. За пятьсот рублей рабочие с Салтовки вкалывают по полмесяца. А тут за один вечер. Конечно, придется поделиться с Саней, но без Сани азербайджанцы не стали бы с ним и разговаривать. Саню знают все, и Сане они отдадут деньги. Ему бы, будь он один, хуй бы отдали...»

Красный еще немного поторговался с азербайджанцами, чтобы они заплатили за литр водки и полкило соленых помидоров. В кафе пить водку официально не разрешалось, но мало ли что не разрешается. Водка и помидоры появились через пару минут. И стакан – двухсотпятдесятиграммовый. Один.

Помня заветы дяди Жоры, Эди-бэби потребовал еще три стакана. Повысить драматизм ситуации. Открыв обе бутылки, Саня Красный разлил их до капли в выстроенные в ряд четыре граненых сосуда. Толпа стала собираться вокруг столика. Саня Красный снял с руки золотые часы и положил на стол. «Начали?» – спросил он тревожно, поглядывая вопросительно на Эди-бэби. Это был первый раз, и он тревожился. Эди-бэби кивнул и протянул руку за стаканом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.